"Ты можешь сказать мне", - говорит Марти. "Дальше этого стола дело не пойдет".

Джим Сэнборн чувствует облегчение. В течение нескольких недель он искал человека, которому можно довериться, и Марти Гейл - парень, которому он может доверять. Они с Марти, другом и соседом, были близки еще с начальной школы. Они сидят в "Ренальдо", местной пивной, и пьют пиво "Coors on tap". "Это вскружит тебе голову", - говорит ему Джим.

В эту прохладную мартовскую субботу они одеты в бейсбольную форму - красные майки и серые брюки. Они играют за "Баккейнерс", бейсбольную команду своего колледжа. Джим подает, Марти играет на первой базе. Сегодняшняя тренировка закончилась, одна из последних перед началом игры.

Джим поглаживает свою темную козлиную бородку, затем отпивает глоток. "Ты клянешься, что дальше этого стола дело не пойдет?"

Марти вскидывает правую руку. "Бог мне свидетель".

"О, не говори так", - говорит Джим. "Не думаю, что мы со Всемогущим сейчас в лучших отношениях".

Марти почесал голову, затем провел рукой по своим светлым волосам. "Черт, чувак, ты что, совершил убийство или что?

"Да, и я сейчас расскажу тебе, где я выбросил тело". Джим делает еще один глоток, наблюдая, как Марти закатывает глаза. "Нет, послушай, на самом деле все гораздо сложнее".

Марти качает головой и ерзает на своем сиденье. Он становится нетерпеливым. "Не говори больше. Ты трахнул Мелани, дочь тренера, и теперь она беременна".

Сделав глубокий вдох, Джим наклоняется через стол. Почти шепотом он говорит: "Я трахнул кое-кого, хорошо, но это была не Мелани". Пауза. "Это была Фрэнсис".

Марти сидит с пустым взглядом. "Фрэнсис... я не знаю ни одного Фрэнсиса".

Джим не удивлен, что имя не запоминается. Марти знает маму Джима столько же, сколько они дружат, но мысль о том, что Джим совершил инцест с женщиной, которая его родила, слишком извращенна, чтобы он догадался, что он имеет в виду именно ее.

"Да, это так", - говорит Джим. "Подумай об этом".

Марти делает глоток и качает головой. "Единственная Фрэнсис, которую я знаю, это твоя мама".

Джим смотрит ему в глаза. "В точку".

Марти выглядит так, будто он только что проглотил пресловутую горькую пилюлю. "Эй, День первоапрельского дурака будет только через неделю. И даже если бы это было первое апреля, это самая отвратительная первоапрельская шутка, которую я когда-либо слышал".

"Эй, отвратительная - это не то слово, которое ты когда-либо использовал для описания моей мамы. Горячая и сексуальная - вот что ты мне говорил, с тех пор как мы стали достаточно взрослыми, чтобы знать и чувствовать, что эти слова означают".

"Это твоя шутка кажется мне отвратительной, а не твоя мама", - говорит Марти. "Она такая, как ты только что сказал, горячая и сексуальная, особенно для девушки за сорок. Она очень хорошо сохранилась, не выглядит ни на день старше тридцати пяти. Отличные ноги и все такое. Но, Господи, она же твоя мама".

"Хорошо, тогда что ты скажешь, если я скажу тебе, что я не шучу, что я действительно трахал Фрэнсис Санборн?"

Марти выглядит слегка встревоженным, глядя в карие глаза своего друга. "Ты не можешь сказать мне, что ты чертовски серьезен".

Джим ворчит. "То, что случилось, было чертовски серьезно, ясно". Пауза. "Слушай, мы всегда были друг другу доверенными лицами, так?"

"Хорошо."

"Хорошо, поэтому я прошу тебя слушать, а не судить. Думаешь, ты сможешь это сделать?"

"Я не уверен, что хочу это слышать, но продолжай".

Джим продолжает, начиная с того, что происходило в его семье еще до того, как его родители разошлись.

"Я стал маминым стержнем, - объясняет он, - хранилищем для ее жалоб на отца, которых было много. Все, начиная от его пьянства и заканчивая его худым поведением. Она также подозревала, что он дурачится".

"Секса между ними не было, я полагаю", - говорит Марти.

"Верно, и она дала мне это понять, даже не пытаясь быть тонкой. Она начала флиртовать со мной, действительно флиртовать. Она надевала скупую одежду, например, прозрачные ночнушки, когда делала работу по дому. Однажды она даже продемонстрировала плюшевую

игрушку из "Victoria's Secret", которую папа купил для нее в лучшие времена".

Марти начинало это нравиться. Более того, он возбуждался, представляя, как Фрэнсис расхаживает по дому полуголой. Он жаждал услышать больше. "Хорошо, а что случилось потом?"

"Ну, вскоре после того, как отец переехал, она перешла на новый уровень. Так что пару недель назад..."

"Подождите, вы не сказали мне, что вы чувствуете по поводу того, что она делает", - вмешался Марти. "Тебя это заводило? Стыдно? Отвращение? Что?"

"Все вышеперечисленное. Я имею в виду, ну, знаешь, у моей мамы длинные гладкие ноги, отличная задница, несмотря на ее возраст, и грудь, которая еще не обвисла. Она носит свои волнистые, иногда вьющиеся волосы коротко, но сексуально коротко, как в девятнадцатых-пятидесятых. И в ней всегда было это соблазнительное качество. Она источала сексуальность, даже не пытаясь. Ну, вы понимаете, о чем я говорю".

"Ты проповедуешь хору, чувак. Твоя мама - моя фантазия о женщине постарше. Не хочу тебя смущать, но она была материалом для дрочки в течение многих лет. Мне нравится, когда она стрижет твой газон в халтере и коротких шортах, настолько коротких, что я вижу, как из них торчат ее трусики. Отличная задница и ноги, как ты и говорил. Она несколько раз ловила мой взгляд и улыбалась, как будто ела его. Так что да, я понимаю, о чем вы говорите. Не могу дождаться, чтобы услышать больше".

Джим допивает последний бокал пива, затем подзывает официанта, чтобы тот принес еще один. Сохраняя низкий голос, он продолжает. "Итак, начнем. Итак, я сижу в своей комнате за настольным компьютером, и тут входит она в одном из своих пеньюаров и..."

"Цвет?"

"Что?"

"Пеньюар... какого цвета он был?"

"О... голубой".

"Продолжай."

"И вот она входит вальсируя в этом прозрачном пеньюаре, садится на край моей кровати и скрещивает ноги. На ней трусики стринги, я заметил - желтые, если ты тоже хочешь это знать".

Марти ухмыляется. "Хороший человек. Я как раз собирался спросить".

"Точно. И тогда она опирается на руки, ритмично раскачивая ногой вперед-назад, ее грудь выпирает из-под пеньюара. И без обычного притворства она говорит: "Нравится то, что ты видишь?".

И тогда я спрашиваю: "Мам, это социальный вызов?". Тогда она отвечает своим дышащим, соблазнительным голосом: "Это любой звонок, какой ты захочешь"".

Марти произносит сдержанное "вау" и допивает свой Coors. Как и Джим, он заказывает еще одну, затем просит Джима продолжить.

"О, я забыл упомянуть, - говорит Джим, - что на ней также была серебряная повязка на голове, что-то из девятнадцати-двадцати пяти. Она была в пеньюаре. Так она выглядела еще сексуальнее".

"Боже, это становится все лучше и лучше", - восхищается Марти. "Итак, она говорит: "Это любой звонок, какой ты захочешь", а ты говоришь..."

"Я не говорю, по крайней мере, сразу. Я слишком занят, разглядывая ее, я в некотором шоке, если хотите знать правду. И тут она говорит: "Может быть, ты захочешь присоединиться ко мне на своей кровати? Не стесняйся, сынок". Чертовски соблазнительно. Я имею в виду, что мой член вырывается из трусов, практически. Но у меня все равно есть амбивалентность, понимаешь?"

"Логично. Она же твоя мама, в конце концов".

"Точно. В конце концов, мне удается сказать: "Ну, я немного занят этим", это моя работа на компьютере для школы. Тогда она встает, встает позади меня и наклоняется так, что ее грудь упирается мне в голову. Затем она поглаживает мои плечи, глядя на экран. Поговорим об отвлечении".

Марти качает головой, пытаясь осмыслить все это. "Как я понимаю, она просто притворялась, что интересуется вашей работой".

Джим пожимает плечами. "Может быть, это не имеет значения, потому что именно тогда я перехожу черту, выбрасываю свои запреты в окно".

"О-о".

"Ага. Я кручусь на своем стуле, тянусь вверх и начинаю ласкать ее сочные бугорки поверх ночной рубашки. "Ооо, детка, это так приятно", - стонет она. В следующее мгновение я понимаю, что она сидит у меня на коленях, задрав ночную рубашку, предоставляя мне

свободный доступ".

"Соси мои сиськи", - говорит она. Она называет их сиськами, что, на мой взгляд, очень мило, потому что их размер вряд ли позволяет назвать их сиськами. Ее соски сразу же возбуждаются - все вокруг твердое, ее соски и мой член. Мы также целуемся, и я имею в виду не те поцелуи, которые обычно делают мамы и сыновья. К тому же, она прекрасно пахнет, от нее исходит какой-то эротический аромат, от которого я возбуждаюсь еще больше".

Мэри вздыхает. "Она сидит на твоих коленях во время всего этого?"

"Абсолютно, ее потрясающие ноги свисают над моими коленями, ее босые ноги только касаются пола, мое лицо зарыто между ее сисек, когда я не ласкаю ее соски".

Марти выдохнул. "Дико!"

"Что ж, пристегни ремень безопасности, мой друг, потому что дальше будет только диче".

"Продолжай."

http://erolate.com/book/2485/61841